

Мария Тендрякова

ОХОТА НА ВЕДЬМ

Исторический
опыт
интолерантности

Мария Тендрякова

**Охота на ведьм. Исторический
опыт интолерантности**

НПФ «Смысл»

2019

УДК 159.9
ББК 84.4

Тендрякова М. В.

Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности /
М. В. Тендрякова — НПФ «Смысл», 2019

ISBN 978-5-89357-392-3

Как писал С.Е. Лец, у каждого века есть свое средневековье. Тема охоты на ведьм, к сожалению, никак не может превратиться исключительно в достояние истории, а вызывает упорные ассоциации с недавним прошлым и днем сегодняшним. Книга кандидата исторических наук М.В. Тендряковой рассчитана не только на специалистов, но и на самый широкий круг читателей.

УДК 159.9
ББК 84.4

ISBN 978-5-89357-392-3

© Тендрякова М. В., 2019
© НПФ «Смысл», 2019

Содержание

...И каждому по его вере	6
От автора	9
Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Тендрякова
Охота на ведьм:
исторический опыт интолерантности

© Тендрякова М.В., 2006, 2019

© Издательство «Смысл», 2006, 2019

* * *

...И каждому по его вере

Перед вами новая книга с интригующим названием «Охота на ведьм: исторический опыт интолерантности». Когда встречаешься с таким названием, то сразу возникает множество вопросов. К какой сфере исследований относится подобного рода работа? Какая наука осмелится заявить, что она сможет рассмотреть сложнейший феномен, связанный с проявлением социальной агрессии, жестокости, нетерпимости и фанатизма в разные периоды истории человечества? Какие средства анализа необходимы для решения всех этих вопросов?

На мой взгляд, на сегодняшний день ответы на эти вопросы лежат в области совершенно особого жанра, имя этого жанра – научная публицистика. Научная публицистика – это вовсе не литература, которая стремится просто и популярно объяснить многообразие окружающих нас миров. Она выполняет особую миссию – миссию прорыва к целостному пониманию действительности, движения мысли «поверх барьеров» (Б.Л. Пастернак). Блестящими образцами научной публицистики являются книги К.А. Тимирязева «Клетка», И.И. Мечникова «Этюды оптимизма», А. Эйнштейна и Л. Инфельда «Эволюция физики». Я обращаюсь здесь к святой галерее этих имен только для того, чтобы мы поняли, что существующий стереотип научной публицистики как литературы при, около, рядом с наукой не соответствует реальности. Научная публицистика в собственном культурном значении этого жанра – это всегда зона прорыва к тем проблемам, на которые замкнутые в своих комнатах науки ищут и не находят ответа.

Исследование М.В. Тендряковой по жанру – научная публицистика, а по принадлежности к области научного знания – это ярко выраженное междисциплинарное исследование. Эта работа рассматривает под лупой один из самых неоднозначных феноменов в истории человечества, феномен, связанный с пониманием социальной группой «странных людей», непонятных людей, людей как носителей неопределенности.

Явление охоты на ведьм в широком смысле этого слова непосредственно связано с двумя парадигмами понимания мира: парадигмой конфликта и парадигмой толерантности. Парадигма конфликта, озвученная тремя великими конфликтологами – Ч. Дарвином, К. Марксом и З. Фрейдом, – утверждает, что конфликт – это движущая сила развития мира. Парадигма конфликта не только вошла в научное мышление XX–XXI веков. Она буквально была воплощена в философии, в истории, в литературе и даже воспета поэзией. Мы так привыкли думать, что конфликт движет миром, что при этом забыли простую вещь: каждая наша концепция во многом определяет реальность. В этом плане вложенные в уста Воланда слова М.А. Булгакова: «Каждому по его вере» – имеют огромный исторический смысл. Каждому по его вере. Кто верит в конфликт, тот рано или поздно получит общество, в котором всем правит именно конфликт, приводящий в конечном итоге к разрыву, боли, агрессии, охоте на инаковерующих, инакомыслящих и на самых разных странных людей, в том числе на ведьм, диссидентов, трикстеров, шутов, донкихотов.

Но есть и другая парадигма, по отношению к которой парадигма конфликта занимает, на мой взгляд, более частную позицию. Это парадигма толерантности.

Сегодня существуют совершенно разные интерпретации толерантности, иногда сводящие толерантность к дихотомии «терпимости-нетерпимости». Понятие же «толерантность» значительно объемнее. Толерантность – это прежде всего особая *цивилизационная норма*. Как цивилизационная норма толерантность выполняет следующие функции:

- 1) обеспечение устойчивого развития человека и социальных групп в мире разнообразия;
- 2) право каждого человека быть иным. На этом я делаю особый акцент. Право, если отнести это свойство толерантности к исследованию М.В. Тендряковой, быть «ведьмой»;
- 3) толерантность как баланс противоборствующих сторон в экономике и политике;

4) толерантность как возможность диалога и накопления согласия различных мировоззрений, религий, культур, различного рода образов миропонимания.

Вот те грани толерантности, которые выступают, когда мы обращаемся к парадигме толерантности, в гегелевском диалектическом смысле слова снимающей парадигму конфликта.

Именно в свете парадигмы толерантности совершенно по-иному раскрываются такие явления, как тоталитарная культура, террор, доносы, борьба с инакомыслием – все это видится не исключениями, не социопатологией, а средствами погашения разнообразия, которыми пользуется та или иная авторитарная система в определенные отрезки времени.

Что такое ведьма? Что такое шут? Что такое диссидент? По сути дела, как только в культуре начинает нарастать разнообразие, а разнообразие – один из ключевых критериев прогресса, подключаются иные механизмы, работающие на элиминацию, на погашение разнообразия. Тут и появляются те фигуры, которые должны гасить разнообразие. Если угодно, диссидентами, ведьмами, евреями в ситуации Холокоста и другого рода жертвами – назначаются. Они назначаются теми, кто отстаивает и несет идеологию общества фанатичного, фундаменталистского, тоталитарного толка.

Именно с этой точки зрения для нас представляет интерес широкое по своей палитре исследование М.В. Тендряковой. Заметьте, подзаголовок книги М.В. Тендряковой – «исторический опыт интолерантности», а не исторический опыт деструкции, конфликта, агрессии.

Каждый раз, когда пытаешься постичь подобного рода феномены, невольно хочется задать вопрос: а почему те или иные люди получают атрибуцию «ведьм»? Почему те или иные люди получают атрибуцию «диссидентов»? И ужасно хочется, следуя традиции рационального мышления, найти единственную и главную причину, которая все объяснит и поставит все на свои места. Вслед за М.К. Мамардашвили напомним, что понимание истории культуры не укладывается в рамки классического идеала рациональности. Явления культуры невозможно объяснить одной лишь адаптацией. Объяснение исторических событий невозможно свести к одной-единственной, даже самой весомой причине.

Можно ли объяснить некоторые грани феноменов интолерантности экономическими причинами? Безусловно. Можно ли феномены интолерантности объяснить культурологическими причинами? Безусловно. Можно ли чувствовать себя более или менее уверенно, объясняя интолерантность в духе этнопсихологии, исторической психологии, психологии личности, поднимая на щит тем самым психологическую детерминацию? Почему бы нет. Казалось бы, «эклектика без границ». Нет, не эклектика. Если мы исповедуем вслед за М.К. Мамардашвили идеологию неклассического понимания реальности как множественности с ее разными адаптивными и неадаптивными формами, мы должны сказать, что у каждого феномена существуют разные основания. И вопрос, какое основание мы возьмем за отправной пункт в ходе историко-эволюционного анализа, подбираясь к пониманию этого феномена, какую шкалу для его объяснения выберем, какой масштаб для его видения и понимания мы установим, – это определит не только наш исследовательский ракурс, но и суть предмета самого исследования. Исследуемой реальности небезразличен тот методологический инструментарий, посредством которого мы ее препарлируем. В конечном счете это и определяет один из возможных «правильных» ответов на поставленные вопросы.

Я начал с того, что существуют две полярности: полярность конфликта и полярность толерантности, но, может быть, это и прозвучит с иронией, даже между этими двумя подходами необходима коммуникация через идею толерантности. Точно так же она необходима для понимания мира через экономическую детерминацию, социокультурную детерминацию и, наконец, психологическую детерминацию.

Вместе с тем все мы пленники своей науки. И из стиля мышления, который сформировался за жизнь в той или иной профессии, невероятно трудно выпрыгнуть.

Но можно слегка приподняться над морем фактов, если наберешься дерзости, наглости и окаянства претендовать на жанр научной публицистики. Трудность этого жанра еще и в том, что он предполагает многообразие того, кто его избирает: роль ученого, роль человека, которому дано перо и который к тому же должен быть носителем мифопоэтического мышления. Я использую этот термин, еще раз утверждая, что к логическому мышлению, к рациональному мышлению не может быть сведено понимание окружающей нас разнообразной реальности.

Поэтому для тех, кто хочет увидеть самые разные перепады культуры, для тех, кто готов понять, что наивно сводить к концепциям заговора те или иные исторические события, а также для тех, кто наберется мужества осознать, что тоталитарная культура – это не культура, ушедшая в историю, а культура, сосуществующая с либеральной культурой, как и культура полезности сосуществует с культурой достоинства, – для всех тех будет интересно прочесть публицистическую яркую работу М.В. Тендряковой. И может быть, задать себе вопрос: «А не являюсь ли я той самой "ведьмой" или "диссидентом", которых социальная система назначит или избереет завтра на эту драматическую роль в спектакле истории?»

А.Г. Асмолов,
зав. кафедрой психологии личности
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор психологических наук

От автора

Эта работа выросла из доклада, сделанного много лет назад в Институте всеобщей истории РАН на семинаре по истории ментальности, возглавляемом блистательным медиевистом А.Я. Гуревичем. Несомненная дерзость автора, не историка по образованию, – прийти и рассказывать об охоте на ведьм «самому Гуревичу» – была удостоена внимания и добрых критических замечаний. С теплом и благодарностью к коллегам по семинару вспоминаю этот опыт совместного обсуждения научной проблемы.

Особая моя благодарность С.А. Арутюнову и А.Г. Асмолову за участие в этой книжке и за продолжение разговора об истории гонений на страницах предисловия и послесловия.

Я также бесконечно признательна за помощь и поддержку своим друзьям и коллегам из Института этнологии и антропологии РАН: О.Ю. Артемовой, Н.Л. Жуковской, М.К. Любарт, С.В. Чешко. И еще, спасибо моей семье – Н.Г. Асмоловой, Е.Г. Аксенову, А. Аксеновой, без них этой работы не было бы.

Введение

*У новой эры – новые химеры,
За будущее чувствую я стыд,
Иная, может быть, святая вера
Опять всего святого нас лишит...*

Микеланджело

Ушедший XX век оставил память о беспрецедентно массовом, многомиллионном истреблении людей. И в сталинском Советском Союзе, и в гитлеровской Германии был отлажен репрессивный механизм. Лагеря по «производству трупов» назывались исправительно-трудовыми или концентрационными, а идеология услужливо оправдывала и логично обосновывала устранение из жизни тех, кто попадал в категорию врагов, тех, кого не следовало брать в светлое будущее по причинам «социальной чужеродности» или «расовой неполноценности». Это был всеохватывающий, тотальный террор. Как такое было возможно? Что породило этот террор? Почему десятки тысяч людей стали палачами, а миллионы – жертвами и молчаливыми свидетелями? На эти вопросы пытались ответить современники страшных событий. На эти вопросы более полувека ищут ответа историки, социологи, политологи, писатели...

Сталинизм и гитлеризм. На исторической арене они выступали как противоборствующие силы, декларирующие прямо противоположные ценности. Интернационализм, всеобщее равенство и братство, провозглашаемые большевиками, официально противостояли сегрегации людей и народов по расово-этническому признаку, которая была краеугольным камнем нового миропорядка у фашистов. Но при всем различии исторической конкретики и идеологических лозунгов эти режимы оказываются удивительно похожими по своей сути, и каждый из них приходит к террору.

Для многих исследователей И. Сталин и А. Гитлер выступают не только как символическое олицетворение этих режимов, но и как их реальное воплощение. И тогда вопрос о том, как складывается тоталитарный режим, становится вопросом о личности самого тирана/деспота/диктатора. Многие выдающиеся психоисторики, начиная с Эрика Эриксона, за вектор исследования взяли направление от истории личности к глобальной истории; от анализа биографии к пониманию масштабных общественных явлений. Чтобы понять тоталитаризм и террор, надо «заглянуть в душу» тех, кто стоял у кормила власти. Как самые обычные человеческие недостатки и пороки, а также провоцирующие обстоятельства детства и последующего жизненного пути могут обернуться кровавыми политическими режимами? Создание психологического портрета выдающихся исторических личностей и изучение «сложного механизма взаимодействия психологических мотиваций с политическими целями и идеями», как представляет суть этого подхода Роберт Такер, – это один из возможных путей проникновения в «ткань истории» (Такер, 1990, с. 13).

Ему противостоит другой подход – это исследование самой социально-политической реальности, в данном случае тоталитарных режимов как самоорганизующихся общественных систем. Именно в этом ключе написана монография Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» – одно из наиболее фундаментальных исследований феномена террора в тоталитарных обществах.

Ханна Арендт, всемирно известный философ и политолог, ученица М. Хайдеггера и К. Ясперса, исследует террор в тоталитарных обществах, представленных режимами *интернационал-большевизма* Сталина и *национал-социализма* Гитлера. При этом (в отличие от пси-

хоисториков) она исследует тоталитарные режимы XX века как *безличные системы*, пытаясь выяснить наиболее общие закономерности их развития. Не важно, кто стоит во главе тоталитарного режима, Сталин, Гитлер или N, сам режим выталкивает на поверхность своих лидеров, их личные качества заданы системой; в какой-то момент сам лидер и вождь становится «заложником» такой системы, превратившись в «подставное лицо», персонифицирующее могущество власти, но на деле ограниченное в свободе манипулирования властными ресурсами системы. Сама же тоталитарная система живет и развивается по своим законам, и террор – одно из ее закономерных порождений.

В книге Х. Арендт дается глубокий анализ природы тоталитаризма, какими бы названиями он ни прикрывался, какими бы лицемерно прекраснодушными или псевдосправедливыми ни были заявления вождей. Прежде всего, обе эти системы, сталинизм и гитлеризм, претендовали на мировое господство, которое должно было быть результатом победы в мировой войне или итогом «перманентной революции». Оба тоталитарных режима, как это было аргументированно доказано Х. Арендт, порождают такое явление, как *вождизм*, – они создают культ могучего и непогрешимого центра. Этот центр – *вождь*, который в принципе не может ошибиться, ему делегируется вся власть и ответственность за принимаемые решения и их претворение в жизнь. И режим Сталина, и режим Гитлера опирались на массы разобщенных людей, которых убедили «сбросить с корабля истории» мировую культуру и заставили безоглядно поверить вождю, тем самым создав условия, «при которых совесть умолкает» и человек освобождается от нравственных исканий и личной ответственности. Зачем все это, когда есть фюрер, вождь и учитель, вам повезло, он лучше вас знает, что правильно, а что нет. И наконец, тоталитарные режимы порождают удивительно похожие мифы о врагах и заставляют поверить в эти мифы всех добропорядочных граждан, пламенных патриотов и вечно напуганных обывателей (Арендт, 1996, с. 460–509, 528–546, 585–615). И не важно, кого зачислят во врагов, евреев, коммунистов, шпионов или оппозиционеров. Важно, что все эти страхи и культ вождя освобождают от личной ответственности и готовят почву для террора.

Террор – это закономерный этап существования тоталитарного государства, когда оно утвердилось в своих позициях и одержало победу над своими реальными противниками, к такому выводу приходит Х. Арендт в своем исследовании. Тоталитарные общества не могут жить без врагов; покончив с реальными врагами, они создают мифических. Враги – оправдание жесткой политики, идея врага мобилизует общество: «все как один на борьбу с...». Могучий потенциал тоталитарного государства направлен на борьбу с эфемерным противником.

Удивительная закономерность обнаружена социологами: достижение реальных конкретных целей – недолговечный фундамент для человеческого объединения. Конкретная цель, если она достижима, оказывается преходящей: как только она будет достигнута (или необходимость в ее достижении исчезнет), общность, всецело ориентированная на достижение результата, – распадется. Для серьезного продолжительного сплочения людей важна не только, а может быть, и не столько общность целей, но и то, *как* эти цели будут достигаться, какие средства будут использованы, какие ритуалы и традиции будут в эту деятельность вплетены (Шрейдер, 1979, с. 11–113). То есть важна некая не прагматичная, даже, пожалуй, иррациональная составляющая человеческого поведения. Живой исторический материал снабжает нас примерами, когда именно смутные, нереальные, гиперабстрактные цели сплачивали воедино и надолго большое число людей. Такие цели подолгу удерживали внимание, заманивали в свое «силовое пространство» и сводили воедино множество разного народа, новаторов и ретроградов, пастырей и паству. Поиски священного Грааля были целью и высшей миссией всех орденов европейского рыцарства в течение нескольких веков. У социальных мифов, таких как напиток вечной молодости, или философский камень, или золотой век, есть свое могучее непреходящее обаяние. Более того, в опытных руках подобного рода ирреальные или утопичные цели могут превращаться в надежный инструмент манипулирования человеческими массами.

И террор тоже черпает вдохновение в смутных целях и социальных мифах, а точнее, *у террора свое мифотворчество*. И мифы о врагах в мифотворчестве террора занимают одно из первых мест. Враги народа и враги рейха рисовались одними и теми же красками, обвинялись в несуразных преступлениях и преступных пороках.

Мифы о врагах – давний спутник истории человечества. Они могут рождать самые различные социальные фобии. Роль мифа в истории – эта тема не так давно стала предметом серьезных научных исследований (Юнг, 1994; Дружников, 1988; Леруа, 2001).

Социальные мифы не только отражают или искажают реальность, но и вносят свою лепту в происходящее. Каждая историческая эпоха порождает свои мифы, такие как, например, описанные К.Г. Юнгом средневековые истории об эпифаниях (богоявлениях) и современные мифы о летающих тарелках (Юнг, 1994). Во власти мифа заставить людей во всем необычном видеть знаки божественного присутствия или напряженно ожидать контактов с внеземной цивилизацией. С течением времени мифы перестают иметь дело только с богами и героями, как это делали мифы древности. В современном мире социальные мифы чаще всего конструируют некие стереотипы общественного сознания, названные Х. Арендт «идеологическими предрассудками».

Шовинизм, который владел умами гитлеровских наци, – это тоже один из «идеологических предрассудков», построенных на мифе. Шовинизм густо замешан на фанатичном патриотизме, его любовь ко всему «своему» насыщена агрессией и ненавистью ко всему «иностранному». Имя этому разжигающему рознь между народами и людьми чувству дано в честь Никола Шовена, героя Гражданской войны, сражавшегося за Республику и Империю, яростного приверженца Наполеона I. Объясняя, что такое шовинизм, все энциклопедии ссылаются на рядового Никола Шовена, известны его патриотические речи, крестьянская прямота суждений, мужество на поле боя, его семнадцать ранений в грудь, только в грудь, ни одного в спину. Он стал олицетворением патриотизма простого француза, солдата и землепашца, он очень много сделал, оставив глубокий след в истории, но... он никогда не жил. Историкам не удалось найти реального Никола Шовена (де Люимеж, 1999, с. 15–41). Н. Шовен – патриотический миф, который скромно отошел в тень, уступив место абсолютно реальному шовинизму, ставшему воплощением самого агрессивного национализма.

Тоталитарные системы, как было показано Х. Арендт, рано или поздно приходят к террору. Но террор – отнюдь не изобретение XX столетия. Просто тоталитарные режимы ушедшего века, опираясь на средства массовой информации, на административные ресурсы, на достижения технического прогресса, вывели репрессии на уровень своего рода отлаженного производства, тем самым достигнув небывалых для тираний, деспотий и удельных диктатур количественных показателей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.